

Территория Спасения

Записки инспектора охраны Дальневосточного морского заповедника

Ещё лет 20 тому назад, на кордоне Восточного участка в бухте Спасения, в разговоре с коллегами из отдела охраны, мы стали подсчитывать: скольких людей, работавших в заповеднике с его образования 24 марта 1978 года, уже нет среди нас? И насчитали более 30 человек. Не претендую на написание истории создания Институтом биологии моря ДВНЦ АН СССР Дальневосточного государственного морского заповедника, но рассказать о некоторых людях и событиях его первых лет должен.

Я проработал в заповеднике с февраля 1978 года без малого 20 лет, был сподвижником его организатора и первого директора кандидата биологических наук Юрия Дмитриевича Чугунова, а с недавних пор снова среди защитников Природы.

В далёком 1977 году моей семье – мне, жене Марии, студентке университета, и четырёхлетнему сыну Максиму, который находился на попечении бабушки, – жить в городе было негде. Стеснять стариков-родителей, проживавших в частном доме, построенном моим дедом в Голубиной Пади в 1916 году перед его уходом на Западный фронт 1-й Мировой войны, не позволяла совесть.

Мне было известно, что первые сотрудники заповедника проживают в отдельных квартирах на острове Попова. В случае моего перехода из Приморского краевого краеведческого музея имени В.К. Арсеньева, где я работал, в музей Морского заповедника я мог бы получить на острове Попова если не квартиру, то хотя бы комнату.

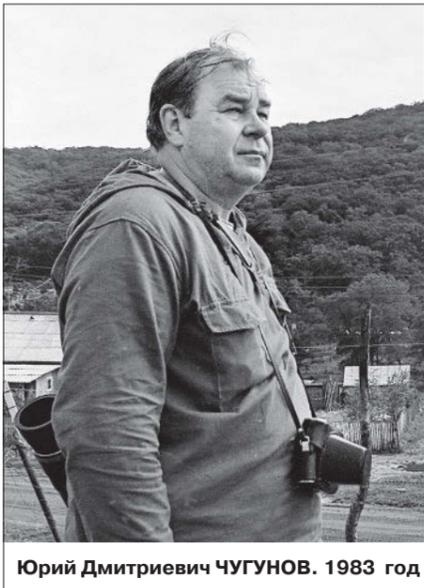
В Институте биологии моря, который тогда находился в левой половине здания Биологического почвенного института, я встретил референта директора ИБМ, своего старого знакомого Владимира Засельского, с которым в 60-х годах учился в университете. Он тотчас же отвёл меня в кабинет директора, члена-корреспондента АН СССР Алексея Викторовича Жирмунского, где я имел довольно продолжительную беседу о причинах, побудивших меня искать вакансию в заповеднике. Ничего не скрывая, всё, как на духу, выложил академику. Алексей Викторович меня понял, полагаю, ему импонировало моё гуманитарное образование, статус научного сотрудника музея. Во время разговора я спросил, не сын ли он академика Виктора Максимовича Жирмунского, известно в 20-х годах XX столетия в литературных кругах как «Молодой Жирмунский», по книгам которого, например, «Теория литературы. Поэтика. Стилистика», я учился, и получил положительный ответ. Алексей Викторович Жирмунский, как я понял впоследствии, и сам интересовался проблемами филологии, истории, несмотря на полученное биологическое образование.

Похуже, он запомнил меня с нашего первого разговора, так как впоследствии, сталкиваясь с ним в коридорах ИБМ, мы вели беседы на чисто филологические или же исторические темы. Тогда Жирмунский был уже далеко не молод, сухощав, подвижен, строг, но в то же время доступен и прост в общении.

Первая встреча с Алексеем Викторовичем, не скрою, произвела на меня впечатление. В конце нашего разговора он позвонил по телефону Чугунову и наказал оформить меня на работу в заповедник на должность старшего инженера.

Володя Засельский проводил меня в кабинет, где располагались тогда директор заповедника и его замы по науке, хозяйству, охране. Все теснились в одной небольшой комнате, и всем хватало места. За столом, в левом углу у окна, я и увидел впервые директора Морского заповедника Юрия Дмитриевича Чугунова. Из-за стола, приподнятого над полом на четырёх кирпичиках, встал огромный человек лет 50-ти. Настоящий русский богатырь, русоволосый, с добрым, приятным интеллигентным лицом и большими выразительными голубыми глазами. «Чугунов», – просто представился он и протянул мне руку. Я в ответ сказал: «Шереметьев», и моя рука утонула в его широкой, подобно лопате, ладони. «Пальцы у него как сардельки. Ещё ненароком раздавит мне ладонь», – успел подумать я.

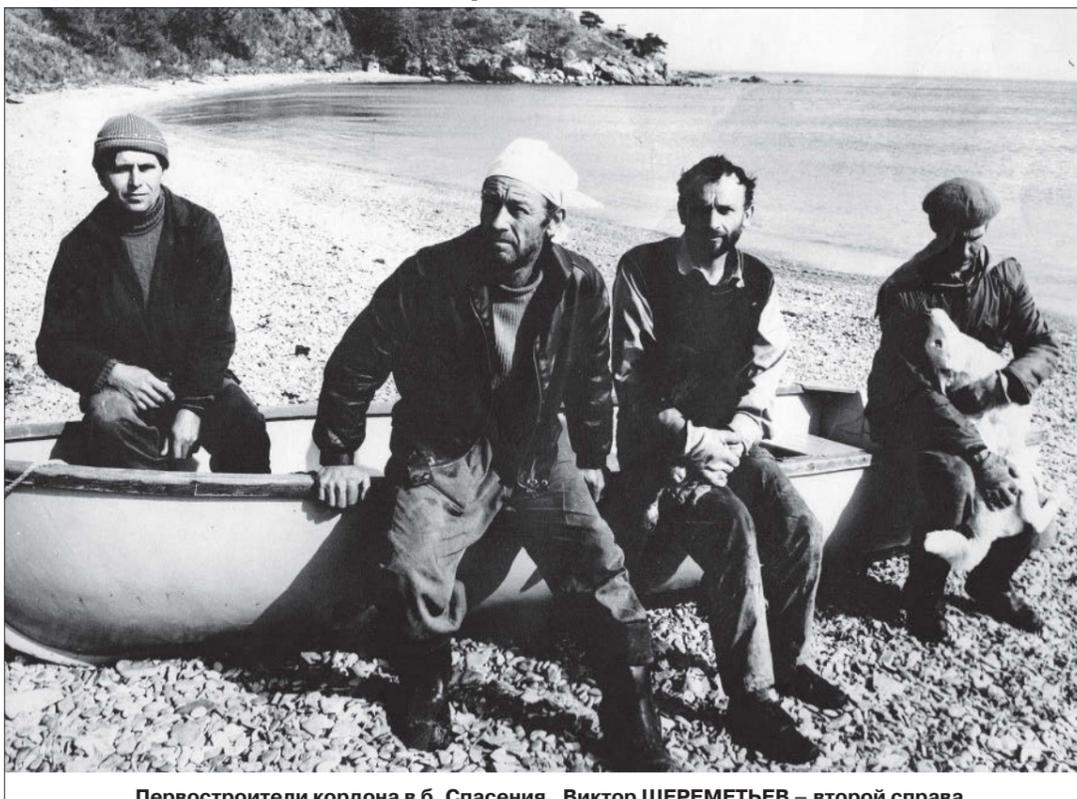
Рукопожатие оказалось крепким. Не скрывая, опять же, как и при разговоре с Жирмунским, поведал ему об истинных моих причинах поиска работы с квартирой в заповеднике, заметив, что работа в музее имени В.К. Арсеньева мне очень нравится, и я расстаюсь с ним без сожаления, но моя семейная жизнь готова треснуть. Тут же Юрий Дмитриевич коротко переговорил о квартире для меня

Юрий Дмитриевич ЧУГУНОВ. 1983 год

на острове Попова со своим заместителем по хозяйственной части Николаем Гавриловичем Маевским, крепким седым мужчиной лет семидесяти. Тот ответил коротко, по-военному: «Есть!».

Позже я выяснил, что Николай Гаврилович был участником Великой Отечественной войны, командиром батальона морской пехоты, именуемой немцами «чёрной смертью». Не чуждый блатной романтики, Маевский был до пят покрыт татуировками, которые он, не стесняясь, летом охотно всем демонстрировал. На его груди слева был выколот профиль Ленина, а справа – Сталина. После войны Николай Гаврилович был военным строителем, по его словам, в звании пол-

Первостроители кордона в б. Спасения. Виктор ШЕРЕМЕТЬЕВ – второй справа

ковника. Уже в отставку, работая в заповеднике, на о. Попова, Маевский занимался обустройством двухэтажного здания музея, доставшегося заповеднику от военных, общежития в бывшем ДНС (дом начальствующего состава) и другими работами. Допустил какие-то прегрешения по финансовой части, за что угодил на короткое время в СИЗО во Владивостоке на Партизанском проспекте (бывшая улица Тюремная).

Согласие на свой переход из музея В.К. Арсеньева в заповедник я получил. Но по ряду причин перешёл из музея в заповедник только в феврале 1978 года. Во-первых, надо было завершить в музее работу над этнографическими выставками, написать несколько плановых статей, положенных мне как старшему научному сотруднику и завотделом досоветского периода. Во-вторых, решить личные семейные и финансовые проблемы, связанные с переездом из города на остров Попова, т.е. кардинально изменить свою жизнь.

Надо сказать, Юрий Дмитриевич Чугунов не боялся работать с людьми, репутация которых в советские времена была слегка подмочена, или же с искателями приключений вроде меня. Создавалось впечатление, что он, наоборот, привлекал таких людей в заповеднике, так как, по его словам, за одного битого двух небитых дают. Впрочем, в заповеднике приживались и люди с кристально чистой биографией, члены КПСС, а их было семеро.

Впоследствии я не раз наблюдал в заповеднике такую картину: Юрий Дмитриевич принимал какое-то важное хозяйственное решение. Тут же собирался «Ареопаг» в лице партиячейки заповедника, и этот Ареопаг давал или же не давал разрешение Чугунову на проведение в жизнь хозяйственного решения.

Как бы то ни было, Ареопаг не слишком-то докучал нам, бес-

партийным. С ними мы всегда ладили. В самом же ИБМ диктат партбюро ощущался вполне. На одном из заседаний партбюро довелось побывать и мне за вольности, допущенные в стеновой газете «Заповедано», редактором которой я являлся.

Вообще в повадках Юрия Дмитриевича Чугунова, в манере речи чувствовался интеллигент, истый русак и москвич, хотя некоторые из нас считали его мордвином. Как-то в состоянии лёгкого подпития Чугунов признался мне, что его папа был белым офицером, но тут же смолк и никогда уже более к этому факту своей биографии не возвращался, сколько бы ни выпил. А выпить без всякого ущерба для здоровья, без похмельного синдрома он мог много, но никто и никогда его пьяным не видел. Я его как-то спросил: «Юрий Дмитриевич, а сколько вам надо выпить водки, чтобы опьянеть?» На что он мне ответил: «Кило шестьсот». Он действительно был могучим человеком: и телом, и духом. Хотя внутри себя был чувствителен.

Никто из нас за все годы его работы в заповеднике не слышал от него ни одного грубого слова.

В середине 80-х Чугунов попал в немилость к руководству ИБМ. Его не приняли в КПСС. А членство в партии в те годы значило очень много. Перед приёмом в партию у Юрия Дмитриевича случился прокол: на теплоходе, совершавшем научный рейс по южным морям, где Чугунов был назначен старшим, один из пассажиров, кстати, сотрудник ИБМ, под покровом ночи сбежал из социалистического рая в капиталистический. Понятно, за побег пришлось отвлечь Чугунову. Но, полагаю, истинной и самой главной причиной, по которой Чугунов попал в опалу, были его попытки вывести заповедник из-под крыши ИБМ.

Сейчас бы Юрия Дмитриевича назвали сепаратистом. Несмотря на его заслуги в деле создания заповедника, выразившиеся в согласовании с 22 министерствами и ведомствами, включая Министерство оборо-

ны связей его жены Натальи Юрьевны с семьёй академика Анатолия Петровича Александрова – знаменитого физика, создателя атомных реакторов и атомного оружия, ставшего в 1978 году президентом Академии наук СССР), Ю.Д. Чугунов стал балансировать на грани увольнения.

Да, у Юрия Дмитриевича были недостатки, как и у всех нас, простых смертных. Он любил жизнь, красивых женщин, не раз был женат и разведён. Но никто не мог обвинить его в стяжательстве. С чем пришёл в заповедник, с тем и ушёл, оставив, правда, в нём своё здоровье. Ушёл он из заповедника за год до пенсии, до которой ему в ИБМ не дали доработать.

После ухода из заповедника Юрий Дмитриевич Чугунов сильно нуждался. Вместе с последней женой Тамарой Андреевной, изысканной красоты ослепительной блондинкой, жил в деревне, в Яковлевском районе. Кандидат биологических наук, энциклопедически образованный человек преподавал биологию в сельской школе. Был экспертом природоохранных объединений, боролся с организаторами незаконной вырубке кедров, а те вкупе с чиновниками от образования, его травлили. В его отсутствие дом Чугунова с уникальной библиотекой сожгли. Но Юрий Дмитриевич не озлобился и не пал духом. Изредка мы встречались, перезванивались. Он живо интересовался всем, что происходило в заповеднике...

Ограниченные размеры газетной статьи позволили опубликовать только небольшую часть моих воспоминаний о том времени, в котором многие нынешние читатели «Дальневосточного учёного» были маленькими детьми или даже ещё не родились. Если мне удастся найти издателя, то будет опубликована вся рукопись. Если нет – сам опубликую в интернете. Живых участников тех давних событий с каждым годом становится всё меньше, так что придёт пора поспешить.

Виктор ШЕРЕМЕТЬЕВ